

Господи, я, наверное, опять согрешил.

Конечно же, согрешил!

Но прости меня, Господи, слишком долго меня учили не тому, чему надо. Да и трудно не поддаться соблазну в этот час распада, когда дьявол превращает мир в поле брани и всё перестаёт думать, помнить о Тебе, устремляясь к разрушению. А тут гавань, якорь, возможно дьявольский, интеллигентно подкрашенный, подслащённый воспоминаниями. Я спешу по улицам, напоминающим паузу между ушедшим и ещё не пришедшим завоевателем: мимо свисающих проводов, оборванных таксофонов, молодежато-варварски разгромленных ларьков в муках и грязи рождающихся предпринимателей.

Спешу.

Жаждающий.

Я устал СЕГОДНЯ и хочу вспомнить ВЧЕРА и не думать о ЗАВТРА.

Прости мне и это.

Долго ли ещё каяться за содеянное без умысла?..

...Я вошёл в зал безумного энтузиазма.

Энтузиазма — восьмидесятых, безумства — девяностых.

Тогда мы — нынче облысевшие, морщинистые, располневшие или высохшие и устало-выцветшие — стряпали полуразрешённое забугорное видео-аудиоварево, мудро обходя острые углы, чутко улавливая идеологическую вибрацию и буйствуя от нашей хитрой уступчивости в малом при достижении большего. Того, что сегодня лилипутски-неразлично рядом с Гулливером демократии, правда, ещё только-только приходящим в себя после кораблекрушения.

Мы жгли софиты, дымно спорили, визжали от идей и любили себя и мир.

Боб! Всё-таки пришёл...

Пришёл...

Сижу в конце зала и с краю: за мной должны заехать, отвезти на серьёзно-глупое политическое собрание, — неприметно, но не спрячешься; вроде как свой и не свой. Они здесь —

хозяева. Я — гость. Они — всё та же заштопанная богема, я — галстучный бизнесмен.

И всё-таки — «Боб».

— Ностальгия?

— Угу.

Гера, чудом избежавший СПИДа в той эпохе энтузиазма, вихляет расширившимися бёдрами мимо немногочисленных слушателей к сцене, к пищалкам, лягушкам, тарелкам, застрахованный от славы, денег годами запрета и непризнания. Гордо лезет под ударные и, встряхивая животом, водружается под самым верхним лысо поблёскивающим барабаном. Аппарат премерзкий, самопал, будет лажа, но я сижу и завожусь...

Из-за занавеса выходит Стасик, очкастый, засушенный, словно не минуло двух десятков, реликвия, нереализовавшийся гений. Неторопливо подключает гитару, а Гера бьёт по барабанам, возбуждая всухую и скаля кривые зубы под нетерпеливый свист. Выкатываются Ванюша, ныне монтёр-электрик, его-то я не ожидал увидеть, и какой-то совсем молоденький хипповолосик, — ходят вокруг Стасика, подстраиваясь.

А первые ряды уже готовенькие, не то что тогдашняя публика, чтившая конспирацию.

Я оборачиваюсь — нет, за мной не приехали, — и мельком окидываю взглядом джинсово-расхристанную рок-поклонницу, сидящую за мной, словно перенесённую в эти дни из той эпохи...

Они обожали Стасика, но спали с Герой.

Потому что Гера всегда умел возбудить...

В это мгновение и ударил первый аккорд, визгливо-скрипящий, но узнаваемо-волнующий: «Yesterday»...

Всего лишь миг я стонал от фальши; песня зазвучала внутри меня, и это был чистый, пронзительно-щемящий, волнующий мотив «Yesterday». Он качал меня, закрывал пеленой зал, сцену, отделяя от СЕГОДНЯ.

Я свистел и вскидывал руки.

Не помнил себя сегодняшнего.

И не знал, кем был вчера...

Потом Стасик перешёл на собственные композиции. Они были хороши без текста, но он никогда не соглашался с этим, и вот теперь, видно, что-то понял и просто играл на гитаре. А Гера выпендрился, вклинился с джазовым фортепием. Тут Ванюша чуть не сломал ему кайф. Но Стасик, он был всё-таки

гением, остановил Ванюшу и позволил Гере сорвать «бис», а потом дал Ванюше показать своё мастерство...

Стасик был умнее всех...

Он и тогда хотел или всё, или ничего.

Пожалуй, я бы выпил с ним.

И, может быть, поговорил...

Я оглянулся, надеясь, что за мной всё ещё не приехали, и увидел, как джинсово-расхристанная влажно дышит, не сводя глаз со Стасика. Он это видел и понимал.

Из-за этого публичного совращения я и не любил его; нам доставались самые никчёмные и слезливые, ему — все.

И покидал он сцену всегда, как сейчас, оставив публику в неудовлетворённом возбуждении. Чтобы на выходе, отрешённо улыбаясь, пробиваться сквозь ряды напрягшихся горячих грудей, визжащих голосов, предоставив нам право быть его телохранителями.

Меня это задевало больше всех.

...Пошёл молодняк, без музыки и голоса. Публика приугасла. И под занавес опять вышел Стасик со своей коронной «Чёрной ночью», почему-то не постаревшей вместе с нами. Схлынувшее было возбуждение вновь всколыхнуло зал. Джинсово-расхристанная прикрыла глаза: видит ли её Стасик? Я надеялся, что нет, пытаюсь перехватить её безрассудный взгляд. «Ночь» кончилась, и, отвесив поклон, Стасик обнял взглядом всех разом, выстрелил шампанским, разбрызгивая пену по выставленным в ожидании лицам, и неожиданно крикнул:

— Боб! Твой бокал!

И повторил только нам понятное, заставив публику стихнуть.

Под перекрестьем взглядов я пошёл к сцене, где, снисходительно улыбаясь, он протягивал мне свой недопитый кипящий напиток.

И я вновь подчинился.

— Пошли, старичок, пошли, обидишь...

Обхватил за плечи — так нас и отрезал от зала занавес: обнимающихся, с поднятыми руками. Так мы мгновение ещё постояли, потом он хлопнул меня по плечу:

— Сколько лет... Слышал, процветаешь... Богатеньким стал...

— Так уж...

— Ладно, суета... Мужики, как готовность?

И потащил за собой в глубь сцены, в знакомый чулан, где некогда хранился наш аварийный запас, на огромном кожаном продавленном диване отсыпались ослабевшие и где теперь набилось, как прежде, с десятков возбуждённых мужиков, только животастых и обрюзгших. И совсем юных «тёлок», вечных спутниц музыкантов. Стасик опять всех завёл.

А потом пауза — и наконец-то я увидел его лицо рядом.

— Ты был прав,— сказал он.— Но я всё равно гений.

И снова исчез, растаял в потно-жарком месиве. Я выпил, хотя не согласился с ним, но опять он не дал возможности поспорить.

— Бобик, твой бокал! — мелькнула его нагло-очкастая физиономия, и джинсово-расхристанная, с которой так хотелось согрешить, плюхнулась рядом со мной на диван.

Мы стали отпивать из одного гранёного стакана нечто горько-мерзкое, остававшееся жгучей плёнкой на губах. А когда зашершавился под пальцами сосок, уже никого не было, только мы. И она сказала неожиданно нежным контральто:

— Может, «вафельку»?

Но я хотел её, а не себя, и добирался до плоти, как давно этого не делал, нетерпеливо и громко. Наконец взял её, оказавшуюся на удивление упругой и тихой, и стал думать о себе...

Пахло потом, затхлостью, спиртным и табаком.

Пахло безумным прошлым.

— Ну ты даёшь, старичок. Порнухи посмотрелся?

Она вывернулась, села, поджав колени. Чиркнула спичкой, рдея хиленькой грудью, затянулась.

— Седой уже, а смотри...

Хихикнула.

Я хлопнул её по спине, сталкивая, раздражаясь и ожидая Стаса.

Но его не было.

Девушка курила.

Голова болела, я отвернулся к стене.

Было пусто и зло.

И нечего было разбить или оборвать...

И, кажется, была ночь.

Кто-то стонал.

...Потом по маленькому окошку над головой я решил, что всё-таки утро, и осознал, что пялюсь в этот мутный квадрат, пытаюсь что-то вспомнить.

Медленно скосив глаза, увидел лохматую голову, прильнувшую к двум белым сходящимся столбам, а выше — пятно физиономии с дорожками слюны на подбородке, и догадался, что это Стас, что покачивается голова джинсово-расхристанной и что Стас сейчас зарычит от удовольствия, а она будет сплёвывать сперму и стонать...

«Вот твой бокал, Боб, а я предпочитаю сладкое...»

«Ты извращенец».

«Я — гений. Им это приятнее...»

— Тебе приятнее, бэби?

Он шлёпнул её по губам, застегнул ширинку.

— Он порнухи посмотрелся,— хрипло произнесла джинсово-расхристанная.

— Тебе приятнее с ним?

— Не глупи, Стасик,— она беспардонно развалилась рядом, обжигая влажными бёдрами.— Ты же гений!

— Чао.

Хлопнула дверь.

Первый раз не за мной.

Она вздохнула.

Я погладил её.

От мелкой ложбинки до паха.

— Он гений,— сказал я.— Только не в любви...

Было утро.

Мутноватое и робкое.

Мы вышли вместе.

Стасик куда-то исчез.

И она ушла в другую сторону.

У каждого своя дорога...

...Прости же меня, Господи.

И помоги быть терпимым.

И за тайное не кори.

Тяжко каяться не от гордыни — от неумения.

Но наконец-то — ни белых, ни красных.

Самое время учиться...